

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ
ЕВРАЗИЙСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ***

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. Slavic issue in the ideological heritage of Eurasianism: historical reconstruction

The article analyses the place and role of the Slavic issue in the ideological heritage of Eurasianism. It also traces the moments of confrontation in their cognitive trajectories of the Eurasian and Romano-Germanic worlds with the projection on the dominant Euro-Atlanticism attitude of modern political elite of Central and South-Eastern Europe.

Ключевые слова: славянский вопрос, евразийство, романо-германский мир, евроатлантизм, Центральная и Юго-Восточная Европа, Восток, Запад, геополитическое противостояние.

Славянский вопрос – неустранимая часть истории идей и презентующих их политических течений России XIX – начала XX вв. – приобрел новые характеристики после 1917 года. В пост-революционных – в основном эмигрантских – течениях он решался принципиально по-новому: православной империи как центра притяжения славянства уже не стало, а установка на интернационализм и мировую революцию отводила ему второстепенные, если не третьестепенные роли. Дополнительным фактором в его рассмотрении стало внимание к туранскому вопросу, если под таковым считать активность неевропейских народов в мировой политике, роль которого по-разному трактовалась различными силами в новой России и за рубежом, но с решением которого связывалось ее будущее. Достаточно вспомнить не лишенное и сегодня проницательности суждение В.И. Ленина: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы»¹. Евразийство по-своему признало эту весьма высокую значимость выдвинутого на передний

---

* Статья подготовлена в рамках проекта ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

план именно им туранского вопроса (большинство его представителей подписалось бы под указанным суждением), вольно или невольно отодвигавшего на задние планы другие вопросы.

На первый взгляд, славянский вопрос – «слепое пятно» в воззрениях евразийцев. Однако данная фраза-оксюморон не должна отводить ему третьестепенное место в их наследии. Нарочито дистанцируясь от его решения, евразийцы не отказывались от активизма в защите позиций как раз славянских народов, но также других – неевропейских.

Как известно, начало 1920-х годов – это время прибытия масс российских эмигрантов из Крыма, в основном в столицы вновь образованных в Центральной и Юго-Восточной Европе государств (София, Прага, Белград); время стратегического отступления революционных сил из-под одной из столиц – Варшавы; время санкционирования «линии Керзона», отгораживавшей СССР (тогда – Р.С.Ф.С.Р) от Европы.

Именно в указанный период славянский вопрос стал приобретать качественно новые очертания. Горькая ирония его решения в те непростые времена заключалась в том, что «спасители славянства» были вынуждены не только жить среди «спасаемых», но и как-то объяснять причины происшедшего. Кто бы стал к ним прислушиваться, если бы они вещали в такие времена о судьбах славянства? И все же значимость интерпретации евразийцами славянского вопроса сохраняется и до сегодняшнего дня, когда весомые части политических элит славянских государств региона громко декларируют ориентацию на полновесное «вхождение в Европу» (Евросоюз) и даже в Евроатлантику (НАТО) в пику конструктивным отношениям с Россией.

Общий взгляд евразийцев на славянский вопрос привязывает его решение к концепту «месторазвитие» (П.Н. Савицкий), означавшему комплементарное (т.е. взаимодополняющее) единство социального и природного пространств, в рамках которого формируется и развивается этнос, определяя в дальнейшем способы его жизнедеятельности. Все же этот вопрос попадал в некое «слепое пятно» поля зрения большинства евразийцев. Они знали о его важности, но нарочито не давали рецептов его разрешения. В монографии В.Я. Пашенко о социальной философии евразийства один из разделов посвящен соотношению данной «синтетической» идеологии со славянофильством. Ее автор справедливо пишет: «Центральной проблемой, по которой евразийцы заняли жесткую антиславянскую позицию, стала проблема славизма и панславизма»². В этом плане они, конечно же, провидчески указывали на

сложности в «славянском мире», который, игнорируя призыв Ф.И. Тютчева³, не «смыкался тесней» в XX, да и в XXI вв. Но автор призывает не соглашаться и с той точкой зрения, «согласно которой евразийство противоположно и даже враждебно славянофильству»⁴. Это так, более того, на наш взгляд, есть достаточно оснований считать их некими «потаенными славянофилами». Тем более это примечательно, поскольку некоторые их предшественники-славянофилы (тот же В.И. Ламанский или К.Н. Леонтьев) в чем-то являлись «потаенными евразийцами».

Эпизодически, например, в полемике по украинскому вопросу между Д.И. Дорошенко и Н.С. Трубецким, в ряде музыковедческих наблюдений П.П. Сувчинского, а также в религиозных творениях Г.В. Флоровского те или иные стороны этого вопроса фрагментарно поднимаются. Действительно, не заслуживает ли внимания тот факт, что Савицкий описывал освоение Азии и становление Евразии как результат активности как раз славянских народов в прошлом? И не доказал ли Сувчинский, что именно культур-импульс славянской музыки и живописи обновил культуру Европы? И не всеотзывчивостью ли славян вдохновлялись уже достаточно поздние экуменические проекты Флоровского?

При этом Трубецкой читал лекции по сравнительной лингвистике на материале славянских языков, но одновременно – по истории Индии. Летом 1922 г. он покинул Болгарию, намереваясь работать в Брно (Чехословакия), но неожиданно для себя оказался по приглашению в Венском университете. Здесь он тоже исследовал культуры славянских народов и сопоставлял их мировоззрения, подчеркивая непродуктивность любого национального «эгоцентризма». Он постоянно доказывал, что именно русские задавали и задают образцы взаимообогащающего общежития народов и всех этносов, исходя во многом из языковой славянской общности. В этих условиях и в ряде регионов проживания славян может появиться «многонародная нация» – как она образовывалась в СССР, где, по его убеждению, формируется «общеевразийский национализм». Специальных работ в данном направлении у Трубецкого нет, но положительные оценки близких к этому надэтнических образований в Чехословакии и Югославии в его переписке отыскать можно⁵.

Если вернуться к взглядам Савицкого, то следует признать, что он продолжает традицию трактовки славянского вопроса В.И. Ламанским и в меньшей мере – Н.Я. Данилевским. Понятие «месторазвитие» оказалось в этом плане продуктивным для анализа славянских общностей и идентификации славянских государств и их

союзов – выявления специфики не только присущих тому или иному западно-, юго-, восточнославянскому народу обычаев или песен (как в классическом славянофильстве), но и характерных для них типов хозяйствования, торговых связей и т.п. Признавая славянскую основу русского народа, Савицкий неоднократно подчеркивал, что он должен выступать в качестве стены против форсированной европеизации не только себя, но и других близких ему этносов.

Славянский вопрос у Сувчинского находился на периферии; к примеру, он почти не просматривается в его переписке с Трубецким. Именно этот европейски образованный и авторитетный в плане культурологии человек активнее всего писал о самодостаточности евразийского мира русской культуры, высоко значимой для всего славянства.

Евразийство Г.В. Флоровского⁶ было в чем-то окрашено славяноцентризмом, поскольку он считал, что именно славяне реализовали в потенции принцип правды в государстве, осуществили синтез права и нравственности. Все же «поворот к отцам» (церкви) побуждал его разоблачать «евразийский соблазн». Со временем вольно или невольно евразийские устремления трансформировались в экуменизм, сохранив и его интерес к туранскому и монгольскому элементам. Ход мысли Флоровского таков: в свое время христианский эллинизм был привит славянству, так почему не привить ценности христианства всему миру? Не получилось славянского единения – пусть будет единение мировое, хотя бы в религии. Следует напомнить, что в 1923 г. Флоровский принимал участие в организации Русского студенческого христианского движения в чехословацком городе Пршерове; примерно это время можно считать началом его дрейфа от евразийства к экуменизму.

Основная идея евразийцев, выраженная в названии их классического труда «Исход к Востоку»⁷, своеобразно дополнялась в биографическом плане их «исходом к Западу», а если взять группу левых евразийцев С.Я. Эфрона и Д.П. Святополк-Мирского, обосновавшуюся в пригороде Парижа Клараре – то и «исходом к Марксу» как классическому западному мыслителю. В государствах же Центральной и Юго-Восточной Европы, во многом появившихся в итоге Первой мировой войны и Октябрьской революции, евразийцы нашли не очень теплый прием. С одной стороны, они бежали от революции, с другой же – так или иначе признавали ее как преобразующий Европу и весь мир факт, за что и попали в число «фактопоклонников» – наряду с предшествующими им сменовеховцами и следующими за ними младороссами. Термином

«фактопоклонничество» в самом общем смысле обозначалось принятие свершившегося. П.Б. Струве в контексте споров между эмигрантами клеймил как раз им всех, признававших советскую власть. Эта позиция отдалила их не только от эмигрантских, но и от государственных кругов славянских стран, которые не замечали евразийцев едва ли не демонстративно; оппозиционные левые силы в этих странах также их не приняли.

При внимательном прочтении не только корпуса работ евразийцев, но также их переписки обнаружить скрытые контуры решения ими славянского вопроса все же можно. На поверхности оно сводится к дистанцированию от него в пользу евразийского проекта. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что западно- и южнославянские, а в какой-то мере и восточнославянские народы считались ими полем напряженного противостояния евразийского и романо-германского миров⁸. Оно, полагали евразийцы, носит многослойный характер и постоянно меняет характер своего протекания: от ламинарного к турбулентному; так было всегда, так есть и сегодня. Историческая реконструкция взглядов евразийцев на славянский вопрос позволяет указать на некоторые причины указанной турбулентности. Одна из главных заключается в том, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы (а в новом веке еще и Украина) были (и остаются) полем столкновения евразийского и романо-германского (евроатлантического) начал, даже если соответствующие установки артикулированно не выражаются.

Так, функциональное определение собственности, которое предполагает согласование в деятельности хозяйствующих субъектов, обосновывал Н.Н. Алексеев. Он подчеркивал правомерность и правомочность федеративного устройства России, исходя из общности судеб народов Евразии. Такая форма общежителства возможна и для славянских народов, тем более, что и им присуще ощущение права как реализации правды. Этот факт игнорировало русское западничество – получив в виде отклика, по его меткому выражению, «взбесившееся славянофильство», близкое к большевизму.

В одной из работ Л.П. Карсавина, изданной в Петрограде в 1922 г.⁹, ставились вопросы, на которые евразийцы уже дали ответ в сборнике, выпущенном в Софии. В середине 1920-х годов Карсавин философско-исторически обозначал Евразию как некое культурно-историческое единство. С опорой на миссию сохранения России он также указывал путь к преодолению «пананархии». Именно через евразийские идеи Карсавин конкретизировал при-

нительно к славянскому миру понятие «всеединство». Более того, по его мнению, разрешение противоречий между Востоком и Западом возможно через индивидуализацию народов и православную идеократию.

Линию на сочетаемость леса и степи, выразившуюся в феномене «христианизации татарщины», проводил Г.В. Вернадский, который охарактеризовал процессы «движения против солнца» – то есть постепенного освоения русскими Сибири, чему сопутствовало и построение продуктивной геоэкономики. Важным тезисом, доказывавшимся на богатом материале, является положение о слиянии евразийского континента с русской историей, что недостаточно полно ощущалось и славянским миром в целом. А ведь, по убеждению Вернадского, как естественность союза народов Евразии сохранила единую Россию при ее всеохватной трансформации, так подобный союз может укрепить и единство славянских народов – без заискиваний перед Западом. Свои взгляды на перспективу союза восточнославянских народов Вернадский выражал в частности в книге «Богдан – гетман Украины», выпущенной в 1941 г., – как раз в то время, когда германский и отчасти романский мир наращивал давление на славянские земли до предела (1938 г. – Чешские земли, 1939 г. – Польша, 1940 г. – Югославия, 1941 г. – захват земель двух восточнославянских народов полностью и русского народа частично).

Изданная в 1926 г. в Харбине работа В.Н. Иванова содержала оригинальный взгляд на аутентичную русскость, не всегда совпадающую с евразийством¹⁰. Он практически не поднимал славянского вопроса, поскольку находился в пространственной отдаленности от него, хотя его акцент на «новой реальной культуре» как аутентично русской, а не азиатской, европейской или евразийской, позволяет идентифицировать его как наследника славянофилов.

Многое для распространения идей евразийства среди чехов сделал К.А. Чхеидзе, выпустив ряд работ на чешском языке и публикуясь в чехословацкой периодике. Он часто писал о кавказской составляющей евразийства, познакомив с ней не только Чехословакию, но и всю Европу.

Обстоятельно писал о статусе концепта «нация» с учетом евразийских разработок П.М. Бицилли. Он тщательно анализировал «украинский вопрос», рассматривая на широких славянских пространствах соотношение «культуры центра» и «культуры провинции». Работая с 1924 г. в течение более полувека в Софийском университете, Бицилли многое сделал для того, чтобы болгарская

культура вышла из «провинциального пространства», чему не помешала даже начавшаяся в 1948 г. травля его как «белоземлянина».

Я.Д. Садовский ввел понятие «демотия»: в отличие от демократии как западноевропейского способа регуляции социальной жизни через принцип представительства, она (в основном в славянстве) выражает прямую связь государства с народными массами, опираясь на их моральную поддержку. Демотия соотносилась с властью советов и противопоставлялась олигархии; первая, полагал он, в большей мере присуща славянским народам, чем романо-германским.

А.С. Лурье с позиций культурологии трактовал социальную жизнь как «театр действительности» с ее алогизмами – именно их довольно адекватно отражает славянская музыка, устремленная в будущность; ей присущи и туранские мотивы. Эфрон считал, что именно Россия освободит славянство, а затем и Запад от духовного рабства. Святополк-Мирский обосновал тезис о переносе ценностей «вздыбившейся» славянской культуры на Запад, дал высокую оценку «скифизму» Александра Блока и Андрея Белого с его духом культурного обновленчества. Его переход к марксизму оказался для многих неожиданностью, но сам Святополк-Мирский взял на себя миссию внедрения ряда ценностей как раз евразийства в СССР¹¹.

Обращаясь к жизнеописанию родоначальника евразийства князя Трубецкого, а также «завершителей» этого течения – еще одного князя Святополка-Мирского и выходца из среднего сословия С. Эфрона, нельзя не обратить внимания на сходный трагизм их судеб. Смерть первого наступила после допроса в венском гестапо: его подозревали в связях с СССР, чего, по сути, не было. Второй и третий – уподобляясь героям греческой трагедии в своем презрении к возможной смерти – выехали (как и сменовеховец Н.В. Устрялов, тоже предчувствовавший свою трагическую судьбу на родине) в новую Россию и там погибли. Их судьбы – явное свидетельство того, что евразийство было не только умонастроением, но и жизненным выбором с полной самоотверженностью в его осуществлении.

Ключевое противоречие подхода к решению славянского вопроса у большинства евразийцев заключается в том, что они – оказавшись во время выработки своих основополагающих идей как раз на славянских землях и во вновь созданных государствах Центральной и Юго-Восточной Европы – скептически смотрели на роль славянства и обосновывавшие эту роль идеи. Этот скепсис был зафиксирован в остро критических суждениях Трубецкого и

Савицкого. «Между отдельными славянскими народами, – писал Савицкий в Берлине в 1923 г. – есть культурно-исторические и более всего языковые связи. Но как начало культурного своеобразия понятие языкового славянства во всяком случае в том его эмпирическом содержании, которое успело сложиться к настоящему времени, дает немного. Историческое своеобразие России явно славянское, но не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к славянскому миру»¹².

Позднее Трубецкой подчеркивал: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связывающие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика” – мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического антропологического типа. “Славянская культура” – тоже миф»¹³.

Вместе с тем, идейные оппоненты евразийства и даже сочувствующие ряду его идей мыслители трактовали представителей этого течения как поздних славянофилов и даже панславистов. Так считали Н. Бердяев, исходивший из либеральных воззрений, и П. Струве, руководствуясь более консервативными установками; оценки такого рода просматриваются и у современных исследователей.

В целом же можно утверждать, что евразийский проект во многом восполнял идеи всеславянства в их демократическом (кирилло-мефодиевцы) и консервативном (панславизм) истолкованиях. Тот факт, что именно по преимуществу русские как славянский народ освоили континент Евразии, говорил, по их убеждению, и в пользу ранних славянофильских идей, допускавших спасение Россией и «загнивающего» Запада. Основные взгляды лидеров евразийства на славянство выводились из их общих мировоззренческих установок с достаточно значимыми отличиями. Они ранжировались как по предметным полям (у Трубецкого, например, здесь просматривается опора на языкознание, у Савицкого – на экономическую географию, а у Сувчинского – на культурологию), так и по методам исследования, способам изложения, исследовательским процедурам. Но все они так или иначе отходили от установок европоцентризма и доминирования в его рамках романо-германского начала, которое в разной степени захватывало и славянские народы, включая русский, лишая их культурной иден-

тичности в рамках Европы. Так, по мнению Трубецкого, Россия, со времен Петра I, «вступив на путь романо-германской ориентации, оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»¹⁴.

Евразийцы признавали равноправие всех народов как своеобразных личностей, независимо от степени, а точнее – характера их цивилизационного развития. В этом плане русский народ выступает носителем начал евроазиатского – «истинного», противостоящего петербургскому «ложному» – национализма, доказав своей историей и практикой государственного строительства возможность продуктивной общежительности самых разных народов и этносов. Этому способствовало оправославнивание, которое «перемальвало» византийские, туранские и монгольские составляющие в ходе истории и которое в принципе способно устранить крайности европеизации, особо ярко проявившиеся в имперский период истории России и принявшие крайние формы в ходе ее большевизации.

Революция 1917 г., как полагали евразийцы, предоставляет возможности избежать крайностей русификации как превращенной формы европеизации и дать весомый шанс осуществиться подлинно евразийскому проекту. Эмпирические корреляты возможности такого проекта тот же Трубецкой обнаруживает в успешной языковой политике СССР, и не только в ней, а Савицкий – в активизации связей между этносами путем подтягивания культуры некоторых из них к более высокому уровню. Соответствующий опыт применим и к славянским разнородным государствам – Чехословакии и Югославии, но евразийцы рассматривали его как бы вскользь. Лишь отдельные их ученики (в основном Савицкого) в Праге признавали релевантность такого опыта.

Одним из главных научных достижений – если не мыслительным подвигом – евразийцев является разработка фактора указанной общежительности европейских (в основном русского) и восточных народов в ходе долговременной истории. Она выражается в том факте, что практически ни один из этносов не был истреблен, а в той или иной степени сохранял свою идентичность. Конечно, процессы их сближения шли не без проблем, сопровождаясь тем же грабежом, спаиванием и т.д. и т.п., что и отмечалось многими евразийцами. Но общий вектор характеризовался именно общежительностью, что и дало основание считать гипотезы евразийства весьма продуктивными.

Романо-германские же племена, считали евразийцы, еще в Средневековье прошли катком по восточным соседям: были

уничтожены едва ли не десятки славянских этносов, или же они оказались полностью ассимилированы. Факты общежительности со стороны германцев обнаруживаются с большим трудом и в дальнейшем¹⁵. Ассимиляционные процессы даже в XVIII–XIX вв. были очень интенсивными, и польские земли, особенно отошедшие к Пруссии и затем вошедшие в Германскую империю и в меньшей степени – в Австро-Венгерскую, продолжали ощущать на себе нивеляторское давление. То же можно сказать и о Чешских землях, заселенных немцами (Судеты), на что неоднократно (в основном в письмах и беседах) указывали евразийцы.

Польское движение в австрийских и общегерманских землях было гораздо менее интенсивным. Внимательнейшим образом обсудил эту проблему в своих трудах М.П. Драгоманов¹⁶ и, несмотря на свои антиимперские установки, отметил, что культурная экспансия в них на польские земли последовательно подрывает идентичность поляков, иссушая их душу; об этом же писали А.И. Герцен и М.А. Бакунин¹⁷. Возникает вопрос – где в большей степени игнорировался польский вопрос: в Российской империи, в границах которой польский народ все же сохранял свою культурную и национальную идентичность, постоянно восставая, а польская элита с трудом лишалась сословных привилегий, – или же в польских землях, входивших в Германскую и Австро-Венгерскую империи?

Практически все вновь появившиеся после 1918 г. государства заняли антисоветские, а их интеллектуальные элиты русофобские позиции, поощряемые, кстати, Западом. Польша в этом плане выступала страной-агрессором против РСФСР, Чехословакия вплоть до середины 1930-х годов занимала позицию непризнания, Болгария проводила антироссийскую и антисоветскую политику, можно сказать, преемственно, выступив союзником Германии и в 1914, и в 1939 гг. Крайней противоречивостью отличались отношения по линии СССР – Югославия, хотя именно неуступчивость Сербии отодвинула начало германской агрессии против СССР. Такой общей настрой в славянских государствах региона является, можно сказать, объективной причиной субъективного нежелания историков заниматься проблемой влияния революции на государственное строительство – как ранее, хотя и в меньшей мере, этого не хотели делать и евразийцы.

И все же факт общежительности славян в трудные времена остается фактом, поэтому анализировать ее с учетом установок евразийства абсолютно необходимо. Сколько бы, к примеру, ни навешивали идеологических ярлыков на созданный в 1941 г. в

Москве Всеславянский комитет, полностью отрицать конструктивную его направленность в плане мобилизации сил славянства на борьбу с фашизмом нельзя.

Этноконтакты западноевропейских народов с достаточно крупными славянскими в XX веке и вплоть до настоящего времени складывались и складываются весьма непросто: достаточно вспомнить бомбардировки одного из крупнейших славянских городов – Белграда – в 1999 г. авиацией НАТО. Евразийство в этом плане побуждает пристальнее всматриваться в историю не только самой Евразии, но и других частей европейского континента, включая страны Центральной и Юго-Восточной Европы, которые выступают как поле закрепления начал евроатлантизма.

История XX века показала (а XXI век демонстрирует в полной мере) следующий момент: если славянский проект не самодостаточен (тем более, что его потенциальные реализаторы часто враждуют между собой – можно вспомнить вражду сербов и хорватов вчера, русских и украинцев сегодня), то и списывать его на свалку истории тоже вряд ли правомерно. К такому выводу приводит пристальный анализ взглядов на него евразийцев, даже вопреки тому, что славянский вопрос во многом находился в «слепом пятне» их поля зрения – так бывает в истории идей и порождающих их движений.

Факт возвращения Россией Крыма, трактуемый как акт агрессии большинством евроатлантистов, включая их последователей в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, самым резким образом обострил проблему отношений России с Западом. Часть их политической элиты при этом позиционирует регион как своеобразное евроатлантическое предместье, сдерживающее «агрессивную» Россию. События на Украине обнажили воздействие многих механизмов геополитического противостояния, которое еще за 2–3 года до его наступления можно было бы считать архаичным «спором славян между собой».

Особенностями этого конфликта являются агрессивно-информационные войны в условиях открытого медийного пространства. Это – качественно новый момент в геополитическом противостоянии, побуждающий пересмотреть идейные устои существования и современной России. Отсюда – активная как никогда ранее востребованность евразийской идеологии в ее новом формате, необходимость придания нового смысла ряду старых идей евразийцев и конструирования новых.

В любом случае, не только история идей, но и реальная политическая история не могут обойтись без того, чтобы не решать

проблему статуса этих идей, включая и отношение евразийства к славянскому вопросу. Его анализ требует новых методологических процедур, более того, таких подходов, в рамках которых сочетаются самые различные аналитические операции. Важны в этом плане ситуационный анализ, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических завихрений.

Представленные в статье взгляды евразийцев на славянский вопрос характеризуются критическим отношением к славянофильству и панславизму, но с опорой на реальные факты общежителности славянских и неславянских народов. Поэтому проект «исхода к Востоку» (на фоне жизненного пути евразийцев в форме «исхода к Западу») вызывал и вызывает интерес в плане геополитического статуса России в прошлом и настоящем. Особенно важны взгляды евразийцев, критически относившихся к романо-германской культуре вчера, в связи с установкой на евроатлантизм большей части современной политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 404.

² Пащенко В.Я. Социальная философия евразийства. М., 2003. С. 183.

³ См.: Задоржнюк Э.Г. «Славянский мир, сомкнись тесней...». К 210-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева и 140-летию его кончины // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности / Отв. ред. Е.С. Узенева. Книга 1. М., 2013. С. 61–76; она же. Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 41–54.

⁴ Пащенко В.Я. Указ. соч. С. 197.

⁵ Следует отметить замечание Н.С. Трубецкого о «призрачности связи евразийства со славянофильством» в письме П. Сувчинскому от 15 января 1925 г. (Цит. по: Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2009. С. 286), а также исполненное иронии суждение в письме от 29 июля 1924 г. относительно того, что на съезде славянских этнографов в Праге «чехи обсуждают вопрос о том, считать ли славянами русских, преподающих в немецких университетах» (Цит. по: Там же. С. 254). В пандан можно привести суждение К.Н. Леонтьева: «Было бы большим счастьем, если бы немцы заставили бы нас предать чехов на совершенное съеденье германизму. Иначе можно опасаться, что они попадут точно в состав Великого Восточно-Славянского Союза; это было бы великим бедствием. Чехи – это европейские буржуа по преимуществу; буржуа из буржуа, “честные” либералы из “честных” либералов. Их претенциозное и либеральное бюргерство гораздо вреднее

своим мирным вмешательством, чем бунты польской шляхты. Это тоже химическое, внутреннее отравление» (Цит. по: *Чижов М.* Константин Леонтьев. М., 2016. С. 597–598).

⁶ См.: *Аксенова Е.П.* Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М., 2001.

⁷ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения (Утверждение евразийцев). Кн. 1. София, 1921; На путях (Утверждение евразийцев). Кн. 2. М.–Берлин, 1922.

⁸ Можно сказать, что в настоящее время это противостояние евразийского и евроатлантического миров. Проблема этого противостояния резко актуализировалась в связи с событиями на Украине, а также противоборством евроскептиков и еврооптимистов уже внутри стран Центральной и Юго-Восточной Европы // См., например: *Между Москвой и Брюсселем / Под ред. К.В. Никифорова.* М., 2016.

⁹ *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. Петроград, 1922.

¹⁰ *Иванов В.Н.* Мы. Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926.

¹¹ См.: *Соболев А.В.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // *Россия XXI.* 2002. № 5.

¹² *Савицкий П.Н.* Избранное. М., 2010. С. 191.

¹³ *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 218.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ В меньшей степени евразийцы рассматривали специфику колониального освоения Америки, особенно Северной, сопровождавшейся массовой гибелью местных народов. При этом Савицкий считал Америку параллелью Евразии и страной будущего, Трубецкой же видел в ней всего лишь конденсированную Европу, имплицитно враждебную Евразии.

¹⁶ *Драгоманов М.П.* Историческая Польша и великорусская демократия. 1881–1882 // *Драгоманов М.П.* Политические сочинения. Т. 1. М., 1908.

¹⁷ Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* А.И. Герцен, Т.Г. Масарик и славянский вопрос // *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина / Под ред. И.В. Чуркиной.* М., 2013. С. 721–747.